

Из толпы выступил самый старший. Он, дрожа, поклонился мне. На матушку он был совсем не похож: смуглолиц, невысок, в сравнении с элегантным и статным У Миньчжи — просто небо и земля. И отвечал он так простодушно и робко, совсем не как учтивые и изысканные отпрыски столичных знатных родов. Единственное достоинство — речь на удивление чистая. Но для нас, избалованных столичных аристократов, это было разве что «не недостаток».

Матушка явно не питала к нему симпатий. Когда он закончил, я, сложив руки, ответила: «Старший брат». Тогда она указала на другого:

— Второй брат, Саньсы.

Этот У Саньсы был личностью известной. Приглядевшись, я увидела, что он всё же получше У Чэнсы: высок, светлокож, держался с некоторой непринуждённостью, в нём чувствовалась учёность. Хотя до У Миньчжи ему всё равно было далеко.

К У Саньсы матушка отнеслась чуть благосклоннее: подозвала, перекинулась парой слов и лишь потом отпустила. Остальных представляла женщина-чиновник, оглашая их титулы и должности, после чего мы обменивались поклонами. Судя по названиям, все они были либо «сима», либо «бецзя», самое высокое — «чанши». Места службы — Маочжоу, Чжэньчжоу, Лунчжоу, Лючжоу — ничего путного. Я внутренне ахнула, но виду не подала, с улыбкой отвечая на поклоны. Лишь тогда матушка дала знак подавать угощения.

Отец всегда чуждался роскоши, и матушка переняла его умеренность. Обычный семейный обед — десяток закусок, два-три десятка блюд, да ещё что-нибудь для аппетита, супы да напитки. Сегодня же всё было иначе. Ещё когда я вошла, перед каждым гостем стояло по двадцати с лишним блюд с фруктами. А после знака матушки подали ещё тридцать два блюда со сладостями. Всё — из редчайших продуктов, приготовлено с невероятным искусством, будто сами небеса постарались.

Фрукты, поданные ранее, ещё никто не смел тронуть. Когда же внесли сладости, отец улыбнулся:

— Не стесняйтесь, угощайтесь.

С этими словами он сам взял пальцами кусочек «цзюйшэнну». Только тогда присутствующие оживились. Не смея, как отец, брать руками, они взялись за палочки. Кто-то накладывал себе по несколько сладостей подряд, и крошки сыпались с губ. Кто-то неловко управлялся со своими палочками из слоновой кости. Кто-то придерживал лакомство одной рукой, а другой подносил ко рту. Лишь У Чэнсы, У Саньсы да ещё трое-четверо держались с достоинством. У Миньчжи же и вовсе не удосужился взглянуть на угощение.

Ли Жуй смотрел на незнакомых родичей, разинув рот. Он наклонился к Ли Шэну, желая что-то сказать, но матушка заметила.

— Если есть что сказать, говори при всех. Не толкайся с братом.

Ли Жуй сообразил мгновенно.

— Редко вижу столько двоюродных братьев, — заулыбался он. — Хотел бы пригласить второго брата вместе сплясать для родителей, дабы добавить веселья.

Ли Шэн бросил на него взгляд, поправил одежду и важно произнёс:

— Я готов исполнить танец «Князь Ланьлин» в честь Её Величества.

Отец рассмеялся.

— Прекрасно, прекрасно. Ступайте вместе.

Ли Шэн поднялся, и они с Ли Жуем удалились в боковой зал. Вскоре они вышли во главе целой вереницы танцоров. Обычно в «Князе Ланьлине» один главный танцор в пурпурном, с золотым поясом и бичом. На сей раз же вышли двое — высокий и низкий, оба в пурпурных одеяниях с золотыми поясами. Ли Шэн держал бич, Ли Жуй — меч. На лицах у обоих были позолоченные полумаски. Выйдя вперёд, Ли Жуй, словно скоморох, прошёлся кругом, взмахнул мечом в приветствии, встал перед родителями и нарочито картавым голосом провозгласил:

— Я — князь Ланьлин, Гао Чан-гун! Нежен лицом, но силён духом, голос и облик прекрасны! Ныне, когда страна в опасности, веду я пятьсот всадников против дома Юйвэнь Чжоу! Но, прибыв сюда, вижу — какие-то деревенщины осмелились именовать себя Гао Чан-гуном! Вот тебе! — И, словно резвая обезьянка, принялся размахивать мечом во все стороны.

Ли Шэн не знал, смеяться ему или плакать.

— Не дури! — только и сказал он, поднимая бич и совершая несколько пассивных шагов.

Ли Жуй прикрыл голову и бросился наутек. Ли Шэн, увидев это, остолбенел, сорвал маску и нахмурился.

— А-Жуй!

Тот тут же сложил руки и припал на одно колено.

— Узнал меня, князь! Сдаюсь! — Он подмигнул Ли Шэну, потом, строя рожицы, оглядел нас, выскочил из круга танцоров и юркнул на своё место.

Отец и Ли Шэн не знали, смеяться им или сердиться. Матушка же нахмурилась и сильно сжала мне плечо. Я поспешила сказать:

— Шестой брат отплясал. Старший брат, не отлынивай — покажи свой танец.

Ли Шэн вновь надел маску и исполнил танец с бичом. Поскольку это было экспромтом, особого впечатления он не произвёл. Отец же лишь добродушно улыбался. Когда танец завершился, он велел поднести вина и обратился к матушке:

— Цинян, Шэн и впрямь почтителен.

Матушка, не проронив ни слова, подняла свою чашу в сторону Ли Шэна. Тот поспешно поднял свою и осушил её.

Едва Ли Шэн уселся, У Миньчжи вдруг выпрямился и, сложив руки, с улыбкой произнёс:

— И племянник желает сплясать в честь тётушки.

Я взглянула на прочих У. У Саньсы, казалось, тоже рвался выступить, но, сглотнув, так ничего и не сказал. У Чэнсы же и вовсе не пытался скрыть своей глупости — только пялился на Ли Жуя и тупо ухмылялся. На лицах отца и матушки появились лёгкие улыбки. Рука матушки соскользнула с моего плеча, и она, казалось, собиралась что-то сказать. Я же быстро обвила её

руками и закапризничала:

— Папа, мама, и Сыцзы хочет поздравить вас!

Не дожидаясь разрешения, я вскочила, подбежала к музыкантам и скомандовала:

— «Силян»!

Отец усмехнулся.

— Сыцзы, «Силян» — танец парный.

У Миньчжи улыбнулся.

— Племянник готов станцевать с двоюродной сестрой.

Я даже не взглянула на него и, сложив руки, обратилась к отцу:

— В моих покоях лучше всех танцует Вэй Хуань. Я хочу исполнить танец с ней.

Когда Вэй Хуань вошла в боковой зал, лицо её было землистым. Редко видела я её в таком виде, и почему-то это меня даже обрадовало. Я нарочно подмигнула ей, а потом поддразнила:

— Четвёртая сестра, я с таким трудом выхлопотала для тебя возможность станцевать перед Их Величествами. Постарайся, не разочаруй моих надежд.

Она глубоко вздохнула, задержала дыхание, а затем, едва выдавив улыбку, сказала служанкам, помогавшим мне переодеваться:

— Я сама.

Как только те вышли, она стремительно приблизилась ко мне и сквозь зубы прошипела:

— Сама захотела поздравить — сама и пляши! Зачем меня втянула?

Видя, как у неё на висках вздулись жилы, я почувствовала ещё большее удовольствие.

— Вчера ты сама изливала душу, — рассмеялась я, — так старалась убедить меня, что хочешь стать моей опорой, моим доверенным лицом. А сегодня, когда ты мне нужна, отказываешься? Так не пойдёт. Не бойся, мы просто поздравляем родителей. Главное — справиться... э-э-э... чтобы было лучше, чем у шестого брата. — Я невольно втянула воздух — густой аромат, исходивший от неё, наполнил меня, вызвав странное щемящее чувство. Я отступила на шаг и громко сказала:

— Одевайся быстрее, не заставляй родителей ждать.

Вэй Хуань не заметила моего движения. Она лишь мрачно проговорила:

— Ты думаешь, все, как ты, с пелёнок окружены музыкой и танцами? Я никогда не видела «Силян»!

Я опешила.

— «Силян» популярен со времён Суй. Ты... не видела?

Вэй Хуань в отчаянии топнула ногой.

— Не то что не видела! Я... я никогда не была сильна в танцах. Заставить меня танцевать — просто издеваться!

Я с недоверием посмотрела на неё.

— А-Хуань, ты такая ловкая. Как можно не уметь танцевать? Ты меня обманываешь.

В наше время танцы любят даже больше, чем конное поло. Даже я, неуклюжая и не слишком подвижная, за эти годы кое-чему научилась. А такая проворная и искусная в боевых искусствах девушка, как ты, говорит, что не умеет? Особенно учитывая твою хитрость и прошлые проделки — не верю.

Лицо Вэй Хуань исказилось. Она отмахнулась.

— Не веришь — как хочешь!

Видя, что она всерьёз рассержена, я не стала настаивать и схватила её за руку.

— Если ты и вправду не умеешь, что же делать? Мне... мне найти тебе замену?

Вэй Хуань сказала:

— Будь это «Князь Ланьлин» — ещё куда ни шло. Маска, далеко — вряд ли бы узнали. Но «Силян»!

Выражение её лица определённо не было притворным. Увидев его, я почувствовала, как на душе стало тяжело. Вэй Хуань раздумывала некоторое время, а потом украдкой взглянула на меня. Я тут же поймала её взгляд.

— Говори!

Она закусила губу и нерешительно промолвила:

— Может... скажешь Их Величествам, что... живот прихватило? И не сможешь?

Теперь уже моё лицо помрачнело.

— И позволить У Миньчжи поздравить матушку и втереться к ней в милость?!

<http://bllate.org/book/16278/1466206>